

«Утверждаю»

И.о. проректора по учебной работе
ФГБУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена»

Доктор психологических наук,
профессор

В.В.Семикин

«10» мая 2016 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: Зимирева Л.А. Причинная связь в преступлениях против жизни (специальность 12.00.08). М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 228 с. (с прилож.)

В условиях непрерывного обновления российского уголовного законодательства основные силы научного корпуса заняты уяснением, оценкой и комментированием нормативных новелл, приспособлением их к нуждам оперативно-розыскной, следственной, прокурорской, адвокатской, судебной и пенитенциарной деятельности. Однако своего развития требуют и вековые, фундаментальные, методологически важные проблемы уголовно-правового регулирования.

Вопросы причинности в уголовном праве, как показывает многолетняя педагогическая и научная практика, относятся к наиболее сложным для понимания и правильного практического разрешения. Поэтому следует одобрить выбор соискателем темы своего исследования как актуальной в теоретической и прикладной плоскостях.

Не смотря на то, что причинная связь в преступлениях против жизни интенсивно исследуется на протяжении более двухсот лет, диссертанту удалось обеспечить необходимую научную новизну полученным результатам. Ряд из них способен интенсифицировать научный поиск в этой сфере юри-

дических знаний, другие могут быть восприняты следователями, участниками состязательного уголовного процесса и судьями.

Выводы и предложения автора базируются на значительном количестве добротных научных источников, 230-и судебных решениях и анкетировании 83-х работников прокуратуры по оригинальной программе, включавшей, помимо традиционно сформулированных вопросов, и конкретные казусы, возникающие в следственно-судебной практике. Автор использовала и собственный опыт работы в качестве государственного обвинителя (с. 9, 224 - 226).

Приемлема и апробация содержания диссертации. Наряду с сообщениями на представительных научно-практических конференциях (одна из них состоялась за рубежом), опубликовано 11 научных работ (четыре из них – в изданиях, указанных в перечне ВАК при Минобразовании РФ), включая соавторство в учебном пособии (с. 14 -15, с. 28 - 29 автореферата).

Диссертация и ее автореферат изложены ясным литературным языком, аккуратно оформлены. Последний дает достаточно полное представление о ходе и результатах осуществленного научного исследования.

Говоря более конкретно о достоинствах настоящей диссертации, отметим следующее.

Убедительны, а поэтому заслуживают поддержки большинство положений, вынесенных на защиту. Прежде всего это касается 2-го, 3-го, 5-го, 6-го и 7-го из них(с. 11 – 12).

Мы разделяем авторский подход к концепции социального детерминизма (с. 18-21 и др.), а также методологически верное указание на объективную природу связи причины и следствия (с. 32-33).

При этом т.н. «прямая причинная связь – не единственный вид причинной зависимости, которая имеет значение для уголовного права» (с. 37). Отсюда вытекает принципиально важное для практики суждение, сформулированное Д. Корецким и Е. Стешич и поддержанное автором диссертации: «Любое лицо, наносящее удар значительной силы, адекватно оценивает зна-

чимые для квалификации обстоятельства, отчетливо представляет возможные последствия своего удара, в том числе и последующее наделение потерпевшего и смертельное для него воздействие от удара головой о твердую поверхность или выступы на ней. В подобных обстоятельствах не усматривается ни один из видов неосторожности...” (с. 95).

Избранный соискателем стиль изложения подчеркнуто деликатный по отношению к позициям других исследователей. Тем не менее работа достаточно критична и полемична, без чего немыслим, на наш взгляд, плодотворный исследовательский процесс. При этом критика в большинстве случаев достигает своей цели.

Так, автор вмешивается в давний спор вокруг логического метода *condition sine qua non* и на основе привязки к задачам адекватно-правовой квалификации делает вывод о его ограниченных возможностях, чреватых произвольным вменением (с. 49, 50, 77, 81-82).

Столь же устойчивой выглядит позиция диссертанта в не менее давней дискуссии о возможности или невозможности добровольного отказа при оконченном покушении (с. 149). Мы присоединяемся к высказанному в диссертации мнению о том, что таковой отказ невозможен.

Важное прикладное значение имеет дифференцированный подход к уголовно-правовой оценке осложненной причинной связи, прежде всего ввиду квалифицированного и своевременного (или, напротив, непрофессионального, запоздалого) вмешательства медицинских работников в развитие связи между травмой и возможным (либо реальным) летальным исходом (с. 114-122). В некоторых, конкретизированных соискателем ситуациях, прерывание указанной связи не происходит.

Смеем также надеяться, что авторский проект дополнения пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” подвигнет эту судебную инстанцию к более продуктивной деятельности по обеспечению должного единообразия в применении уголовного закона. Пока же Верховный Суд увлечен проектами,

которые способны самым неблагоприятным образом сказаться на защите жизни граждан (имеем в виду его инициативу по декриминализации составов побоев и угрозы убийством, как норм с ярко выраженной “двойной” превенцией).

Настоящей диссертации присущи и другие позитивные свойства (см., в частности, с. 106-107, 156-157, 173-174), на которые, как можно надеяться, обратят внимание иные рецензенты.

Вместе с тем она не свободна от ряда несовершенств, спорных положений и явных недостатков. Укажем на наиболее принципиальные из них.

1. Трудно согласиться с теоретическим посылом автора о том, что причины всегда создают лишь возможность наступления следствия и для “его появления необходимы дополнительные условия, сами по себе не порождающие следствие, однако создающие обстановку, поддерживающие реализацию причины” (с. 29).

Между тем на практике виновный может избрать такой механизм причинения смерти, который будет *неизбежно* действовать вне зависимости от внешних и внутренних условий: отсечение головы, взрыв многокилограммового фугаса в непосредственной близости от жертвы, сбрасывание его в ванну с расплавленным металлом или из летящего самолета и т.п.

Слишком узким является и представление, что суд всегда основывается на заключении судебно-медицинской экспертизы о том, что “причиной смерти выступает повреждение жизненно важных органов” (там же, а также на с. 131). Во-первых, преступник может умышленно достичь результата без повреждения таковых органов (во всяком случае без воздействия на них каким-либо орудием) – морит жертву голодом, жаждой, холодом, жарой, лишает воздуха и т.п. Во-вторых, и это главное, как быть с проведением через следствие и суд т.н. убийств “без трупа”? Или автор не верит в такой уровень оперативного, следственного, прокурорского и судебного мастерства в условиях удручающе низкого уровня подготовки многих практических работников?

Будучи сама действующим практиком, Л.А. Зимирева допускает высказывания, которые иначе, нежели наивными, назвать сложно. Так, при выстреле в упор, по ее мнению, “момент повреждения жизненно важных органов (следствие) происходит *одновременно* (курсив наш – С.М.) с моментом нажатия на спусковой крючок пистолета (причина)” (с. 30).

Между тем в момент нажатия на спусковой крючок огнестрельного оружия не происходит даже выстрела! Эта манипуляция лишь освобождает боевую пружину, которая воздействует на курок, тот ударяет по бойку. Последний разбивает капсюль, пороховой заряд воспламеняется и проталкивает пулю по стволу. Она, чтобы добраться до мозга, сердца, печени потерпевшего должна сначала преодолеть одежду, защитные средства (если они имеются), разорвать кожу, мышцы, кости (череп, ребер и нек. др.).

2. Как видно из неоднократных высказываний автора, она испытывает острую неприязнь к марксизму-ленинизму в целом и его разделу о всеобщей причинной обусловленности процессов в неживой и живой природе, а также социуме. Между тем ни Маркс, ни Ленин какого-либо “своего” учения о причинности не создавали, а лишь развивали воззрение Гегеля и других известных им философов. К тому же современная российская действительность блестяще (увы...) подтверждает положения “классиков” о главенствующей роли социальных противоречий (в том числе антагонистического уровня) в возникновении и развитии процессов поведения человеческих масс и отдельных индивидуумов (и в криминальной среде тоже).

Безоглядное же стремление “откреститься” от марксизма закономерно приводит в лоно лжеучений о природной и общественной сферах бытия. Что, скажем стоит такой пассаж автора: “Носителем информации в Тонком мире являются торсионные поля, которые распространяются мгновенно и без затрат энергии...” со ссылкой на литературное творение В.Ю. и Т.С. Тихоплав под красноречивым названием “Физика веры” (с. 91).

Утверждение о существовании торсионных полей неоднократно признавалось лженаучными как представителями АН СССР, так и академиками

ныне существующей РАН. Однако до сих пор термин “торсионные”, а также “аксионные”, “спиновые”, “спинорные”, “микролептонные” поля широко используются в различных псевдонаучных и эзотерических публикациях. Выпускаются коммерческие продукты, действия которых, якобы, основано на действии этих “полей”. Жулики в профессорских мантиях “изобрели”, скажем, генераторы, которые “дают” прирост энергии “из ниоткуда” (например, при турбулентном перемешивании воды). Такое перемешивание (в народе его метко именуют “из пустого в порожнее”) дало им возможность растратить из госказны сотни миллионов реальных (а отнюдь не торсионных) рублей.

Объективности ради отметим, что соискатель больше не пытается развить торсионную теорию, а уповает и достаточно умело использует испытанный метод диалектического материализма, пускай и несколько опороженный (по ее мнению) Марксом-Энгельсом-Лениным-Сталиным.

3. Как представляется, наименее удачным получился параграф 3.3 главы 3, посвященной причинной связи при соучастии в преступлениях против жизни (с. 166-188).

В частности, излишне категорично выглядит утверждение о том, что “совместность общественно опасного поведения возможна на любой стадии совершения преступления, но обязательно до момента его *юридического* окончания” [с. 174-175] (курсив наш – С.М.).

Думается, что это далеко не так. Ведь во многих составах (прежде всего в т.н. “усеченных”) момент окончания преступления перемещен законодателем на гораздо более ранний этап развития не только причинной связи, но и самих действий (бездействия) исполнителя. Скажем, разбой юридически окончен уже с начала нападения, а бандитизм и того ранее – с момента организации (создания) банды. Как показывает практика, разбойные, а, тем более, бандитские нападения нередко сопрягаются с убийствами. Почему же соучастники таких преступлений не могут присоединяться к преступному деянию *после* его формально-юридического окончания?

Не все так уж ясно в этом плане и с составом убийства. На первый взгляд, это рафинированный материальный состав (так, во всяком случае, написано в любом известном нам учебнике). Но в силу ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения убийства надо считать не время наступления смерти, а время самого деяния, находящегося в причинной связи с летальным исходом. Но, как хорошо известно соискателю, между деянием и смертью порой проходят часы, дни, недели (теоретически – даже годы). Что мешает причинителю вреда или другим лицам (скажем, ангажированному медперсоналу) вернуться к своей жертве и интенсифицировать развитие причинной связи?

В этом же параграфе предельно кратко говорится об эксцессе исполнителя (с. 180). Между тем таковой процесс возможен и со стороны *других* соучастников (скажем, подстрекатель скрывает от мужа-ревнивца то обстоятельство, что он сам преследует корыстные либо расистские цели). Не случайно Модельный УК для государств-участников СНГ еще до принятия действующего УК РФ нормативно закрепил возможность эксцесса *всех* видов соучастников в отдельной статье. Наш законодатель остался глух к этой авторитетной рекомендации.

4. Сознательно избрав в качестве главенствующего формально-логический (догматический) подход к анализу затрагиваемых вопросов, автор не всегда оказывается достаточно осведомленным в содержании конкретных уголовно-правовых норм.

Так, ею воспроизводится широко бытующее в юридической литературе мнение о том, что “в силу статьи 3 УК РФ преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом” (с. 28). Между тем обращение к части 3 ст. 331 названного кодифицированного акта опровергает истинность процитированного суждения. Эта коллизия имеет особое значение в условиях актуализации угрозы нападения на Россию вооруженных сил НАТО или (и) транснациональных террористических формирований.

Столь же ошибочно утверждение о том, что в статьях 105-109, 111-115

УК РФ ничего не говорится о характеристике деяния, причиняющего смерть потерпевшему (с. 80). Достаточно обратиться к пунктам “д” и “е” ч. 2 ст. 105, пунктами “б” и “в” ч. 2 ст. 111 УК РФ, чтобы убедиться в обратном.

Автор небрежен в подходе к нормативному аппарату, использованному в ходе исследования. Так, Конституция России дается почему-то в первоначальной редакции 1993 г. (с. 201), то есть без учета важнейших новелл, в том числе по воссоединению Севастополя и Крыма с Россией. В таком же состоянии представлен Уголовный кодекс РФ, т.е. без учета десятков и десятков поправок и дополнений, вплоть до Федерального закона от 30 марта 2016 г. № 78-ФЗ (там же).

Немногом более повезло и Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (с. 131), в который в период с 27 июля 2010 г. по 13 июля 2015 г. внесены коррективы семнадцатью (!) Федеральными законами, последний из которых вступил в силу 10 января 2016 г.

Основополагающее, в разрезе темы исследования, постановление Пленума Верховного Суда РФ, в которое, как отмечалось, соискатель предлагает внести дополнения, почему-то дается лишь с учетом изменений от 3 декабря 2009 г. (с. 203), тогда как последняя правка его текста Верховным Судом состоялась 3 марта 2015 г. (попутно отметим, что содержащаяся в нем рекомендация по поводу квалификации неоднократных убийств далеко не бесспорна и могла бы стать предметом оценки диссертанта).

Похвально стремление автора к широкому использованию зарубежного законодательства, вплоть до малоизвестного УК Эфиопии (с. 74 и предыдущ.). Однако вызывает удивление то, что автор не обратился к УК Казахстана, что гораздо более актуально для российских правоприменителей, тем более что он совсем недавно участвовал в IX международной научной конференции в Костанае (русская транскрипция – Кустанай) (с. 15) и имеет публикацию в сборнике по ее итогам (с. 29 автореферата).

Наконец, вызывает досаду искажение фамилии известного дореволю-

ционного ученого Н.Д. Сергеевского (с. 41, 46, 107, 211). Профессор А.И. Чучаев так объясняет эту аберрацию: «Во многих современных источниках фамилия ученого дается как Сергиевский, т.е. букву «ъ» кириллической азбуки пишут через «и», между тем она означает «ять», следовательно, пишется и читается как буква «е» (Чучаев А.И. Ученый, педагог, государственный и общественный деятель (Биографический очерк) // Сергеевский Н.Д. Избранные труды. М.: ООО «Издательский дом «Буквовед», 2008. с. 5).

Отмеченные недостатки снижают научно-познавательную и прикладную ценность настоящего исследования. Однако они не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Причинная связь в преступлениях против жизни» является законченной научно-квалификационной работой, содержащей в целом приемлемые решения важной научной и прикладной проблемы в сфере уголовно-правовой охраны человеческой жизни.

Тем самым она соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), а Людмила Александровна Зимирева, как ее автор, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Отзыв подготовлен доктором юридических наук, профессором С.Ф. Милюковым, обсужден и единогласно одобрен на заседании кафедры уголовного права 6 мая 2016 г. (Протокол № 64).

И.о. заведующего кафедрой уголовного права
доктор юридических наук, профессор

Н.А. Исаев

6 мая 2016 г.

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 20.

Тел. +7(812)312-99-10 e-mail: prof_smorgunova@mail.ru

 <http://www.herzen.spb.ru>